

Л. И. Вигерина

Опыт комплексного анализа стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Деревня»

В статье впервые предпринимается комплексный анализ стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Деревня» (1878), рассматривается своеобразие представленной в нем картины мира. Выдвигается гипотеза о том, что художественная модель русской деревни строится на основе использования приемов живописной техники («остановленное мгновение»), аллюзий на русскую живопись XIX века. Анализируется своеобразие идиллического хронотопа, архетипическое содержание основных образов: дом, мать, хлеб, молоко, старуха и некоторых других. Устанавливается, что в стихотворении утопическая картина, представляющая вечные основы бытия человека, противопоставлена современной геополитической борьбе, выражением которой является Русско-турецкая война 1877–1878 годов. В статье подчеркивается необходимость исторического комментария для понимания авторской позиции в стихотворении. Делается вывод о том, что стихотворение является не только откликом на результаты Русско-турецкой войны, но и полемическим выпадом писателя по «восточному вопросу» против славянофилов и представителей партии Достоевского.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, стихотворение в прозе «Деревня», интермедialные связи, архетип, идиллический хронотоп, символический подтекст, исторический комментарий.

Для цитирования: Вигерина Л. И. Опыт комплексного анализа стихотворения в прозе «Деревня» И. С. Тургенева // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 1. – С. 25–43. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_25. EDN: OCZZKA

Последняя книга И. С. Тургенева «Senilia. Стихотворения в прозе» (1882) открывается стихотворением «Деревня» (1878), что подчеркивает особую его роль в формировании художественного целого цикла.

Композиция «Стихотворений в прозе» определяется не хронологической последовательностью включенных в нее произведений, а художественным замыслом писателя. Хотя в обращении «К читателю» автор предлагает читать стихотворения «враздробь», история создания «Стихотворений

в прозе» свидетельствует о тщательном продумывании композиции книги, на что указали в свое время комментаторы «Стихотворений в прозе» [19, с. 607].

Ю. Д. Бурмистрова подчеркнула, что «для научного описания природы циклизации в "Стихотворениях в прозе" Тургенева стоит учитывать разные, порой и взаимоисключающие тенденции – тяготение цикла к последовательности и его телеологичность (вплоть до ориентации миниатюр на определённый тип читателя), а также расчёт автора на свободу того, кто обращается к его тексту» [3, с. 79].

При составлении книги отдельные произведения подвергались писателем правке, чтобы создать «общее настроение для всего цикла при всем разнообразии его тематики» [19, с. 607]. Особенное внимание писатель уделил работе над стихотворением «Деревня», что свидетельствует о том, какое важное значение придавал он этому произведению.

Таким образом, стихотворение в прозе «Деревня» представляет особый интерес для понимания идейно-художественного содержания цикла «Senilia. Стихотворения в прозе» в целом и ведущей темы всего творчества писателя – темы деревни, родины, России.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена отсутствием комплексного анализа стихотворения в прозе «Деревня», который будет способствовать уточнению наших представлений о содержании и поэтике данного произведения, о его значении в создании картины мира в цикле «Стихотворения в прозе», а также о своеобразии авторской манеры, писательских приемах и технике позднего И. С. Тургенева. Отметим, что цикл «Стихотворений в прозе» всегда привлекал внимание исследователей, наукой накоплен значительный опыт в осмыслении этой книги и отдельных стихотворений, однако «Деревня» чаще только упоминается в исследовательской литературе в виде примера, иллюстрации того или иного аспекта поэтики цикла. Укажем на некоторые важные направления в исследовании стихотворений в прозе и достигнутые результаты, а вместе с тем и на то, какое научное освещение получило стихотворение в прозе «Деревня».

Важнейшей проблемой в связи с «Senilia. Стихотворения в прозе» является проблема циклообразования. Л. П. Гросс-

ман – один из первых, кто обратился к изучению «Стихотворений в прозе» как цикла, который он воспринимал как «философскую поэму» с единым сюжетом и своей философией: «Стихотворения в прозе группируются по три вокруг главных замыслов. Получаются законченные триптихи. Главные из них: Россия, Христос, Конец света, Рок, Природа, Любовь, Смерть, Безверие и друг» [3, с. 94]. Первый и основной, по мысли ученого, триптих Россия: «Он состоит из стихотворений "Деревня", "Сфинкс", "Русский язык". <...> В первом стихотворении дана поразительная по свежести своей живописи картина: "на тысячу верст кругом Россия – родной край"... Вторая часть триптиха – "Сфинкс". Это раздумие о вечной загадочности облика и характера русской нации, далеко еще не разгаданной славянофильством. Наконец, третья часть – классические шесть строк о русском языке. Духовное творчество нации – ее язык свидетельствует о величии ее призвания даже в дни тягчайших раздумий о судьбах родины» [4, с. 94].

Таким образом, Л. П. Гроссман подчеркнул особое место и значение «Деревни» в создании художественного целого всего цикла. Отметим, что употребленный им термин «триптих» отсылает к изобразительному искусству так же, как определение «Деревни» как «поразительной по свежести своей живописи картины» (курсив наш. – Л. В.): возможно, бессознательно ученым было выражено читательское восприятие стихотворений в прозе как аналогов живописных полотен, указано на экфрастичность творческой манеры писателя. Это точное наблюдение ученого отчасти было развито на примере других стихотворений цикла в современных отечественных исследованиях [13], однако применительно к «Деревне» осталось без внимания.

С. Е. Шаталов в свое время высказал предположение, что единство цикла обеспечивается развитием двух основных тем: жизни и смерти, а, следовательно, и развитием своеобразных эмоциональных рядов, связанных с ними и придающих особый ритм, особое звучание всему циклу: «Рассмотрев последовательно все фрагменты, мы можем утверждать закономерность чередования основных мотивов цикла: постепенно отесняется страх смерти и кошмары, навеянные старческим настроением; мужество борения за жизнь, отвага борющихся

со смертью словно перевешивают, пересиливают эффект мрачных картин гибели индивидуальной и всеобщей. Смерть отступает; торжествует оптимистическое начало» [20, с. 152].

Ю. Д. Бурмистрова уточняет концепцию С. Е. Шаталова: «Пессимистические настроения присутствуют и в начале, и в середине, и в конце цикла, однако каждый раз их побеждают другие, торжествующие настроения, как полагает С. Е. Шаталов. Таким образом, тематически "Стихотворения в прозе" можно представить в виде волны, которая начинается сверху, с гуманистических нот о спокойствии и простом счастье (миниатюра "Деревня"), а затем сразу бросается в пучину, в трагические ноты о кратковременности человеческого бытия и неизбежности смерти (миниатюры "Разговор" и "Старуха") и т. д.» [3, с. 77]. Отчасти с этим можно согласиться, только необходимо отметить, что в первом стихотворении цикла тональность, как и в цикле, контрастная: чувство покоя, довольства, счастья, пронизывающее идиллическую картину деревни, сменяется чувством горечи, тревоги и смутения в связи с воспоминанием о Русско-турецкой войне 1877–1878 годов.

Усилия ученых в последнее время были направлены также на выяснение специфики жанрово-видовой принадлежности «Стихотворений в прозе»¹, на изучение основных носителей жанра: субъектной организации², хронотопа³, стиля, интонационно-ритмической организации⁴. Результаты, достигнутые в исследовании указанных выше аспектов идейно-художественной системы «Стихотворений в прозе», могут быть использованы при анализе стихотворения «Деревня».

Весьма продуктивным представляется рассмотрение «Стихотворений в прозе» в контексте русской и мировой литературы

¹ См., например: Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 256 с.; Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мироззрение, метод, традиции. Тула: Гриф и Ко, 2001. 230 с.; Кузнецова Д. Д. Цикл «Стихотворения в прозе» как аутопсихологическая форма // Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып. «Филология». 2010. № 2 (8). С. 171–185; Ламбева Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева как романтическая элегия // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3. С. 76–79.

² Кузнецова Д. Д. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева в контексте динамики форм повествования в романах и повестях писателя // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 1 (75). С. 164–168.

³ Рыбина М. С. «Идиллический» хронотоп в цикле И. С. Тургенева «Senilia» // Вестник Поморского университета. 2008. № 13. С. 230–235.

⁴ Галанинская С. В. Способы ритмизации цикла И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» и основные тенденции развития жанра в русской литературе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2004. 18 с.; Горелова О. А. Ритмическая организация «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 23 с.

и культуры, в аспекте интертекстуальности и интермедийности¹. Так, М. С. Рыбина, сопоставляя «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева с «Гаспаром из тьмы» А. Бертрана, указывает на «интерсемиотический диалог между живописью и литературой»² в названных выше произведениях, приходит к заключению о синтетической природе их миниатюр, об их «тяготении к образительности» [13, с. 64]. Поэтику такого рода произведений она определяет как поэтику «остановленного мгновения» [13].

Таким образом, можно констатировать многоаспектность научной разработки «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева. Стихотворение «Деревня» в такого рода исследованиях упоминается, но не находит подробного и глубокого целостного анализа. В этой связи представляется актуальным комплексный анализ данного стихотворения, который помог бы осмыслить стихотворение в прозе «Деревня» в его идейной глубине и своеобразии поэтики. Для достижения этой цели в статье ставятся и решаются следующие задачи: исследовать структуру образа деревни в изучаемом произведении, способы его создания, пространственно-временную организацию, интермедийные связи, архетипические образы, подтекст, проблематику.

Гипотеза исследования состоит в том, что в стихотворении в прозе «Деревня» представлена утопическая модель идиллической жизни, противопоставленная современной писателю цивилизации. С точки зрения вечных ценностей бытия человека писатель рассматривает современную геополитическую ситуацию, сложившуюся в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Стихотворение демонстрирует своеобразие творческой манеры создателя «Стихотворений в прозе»: обращенность к онтологическим вопросам и одновременно к остроактуальным (социальным, политическим, идеологическим и пр.). Однако писатель не претендует на окончательное разрешение поднятых проблем, а приглашает читателя к диалогу.

¹ Трофимова Т. Б. Литературно-философские реминисценции и автореминисценции в цикле «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева (к проблеме поэтики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.; Трофимова Т. Б. Тургенев и Лермонтов (К проблеме реминисценций в цикле «Стихотворения в прозе») // Спасский вестник. 2002. № 9. Электронный ресурс: URL: <http://spasskoye-lutovinovo.ru/spasskij-vestnik-9/> (дата обращения: 22.10.23).

² Рыбина М. С. «Senilia. Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и «Гаспар из тьмы» А. Бертрана: поэтика жанра: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2011. С. 17.

Материалы и методы

Для решения поставленных целей и задач используется комплексный подход¹ к литературному произведению, который предполагает применение наряду с литературоведческими методами методов других наук, в данном случае – истории, искусствознания, лингвистики.

Обращение к методике интермедиального анализа позволило вскрыть своеобразие творческой манеры Тургенева в анализируемом тексте, которую можно определить как живописную. Мифопоэтический подход к литературному произведению, изучение архетипического содержания основных образов стихотворения (дом, конек дома, мать, молоко, хлеб) помог реконструировать символический подтекст «Деревни».

Постановка писателем в стихотворении вопросов политических, идеологических, историософских, связанных с ситуацией Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, продиктовала необходимость обращения к историческому комментированию, изучение стихотворения в современных писателю идеологическом и общественно-историческом контекстах.

Результаты

Стихотворение в прозе «Деревня» не может восприниматься читателями вне контекста тургеневского творчества. Об отдельных переключках «Деревни» 1878 года с одноименным лирическим циклом 1847 года и непосредственно с лирическим стихотворением «Деревня», открывающим этот цикл, а также с картинами деревни в «Записках охотника», романах и повестях писателя уже указывали исследователи [19; с. 633–634]. Однако очевидно, что в стихотворении в прозе картина деревни представлена иначе, что связано с его особой жанрово-родовой принадлежностью, со своеобразием авторского миромоделирования в нем.

В «Деревне» 1878 года ощущается прежде всего условность изображаемой картины, идеализирующая тенденция, на которую давно обратили внимание исследователи [19, с. 634]. Автор создает не реалистическое описание русской деревни,

¹ Мы разделяем представление о комплексном подходе к литературному произведению д-ра филол. наук С. И. Сухих: Сухих С. И. Методология литературоведения: комплексный и системный методы анализа литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 298–303.

как это было в романах и повестях, «Записках охотника», а утопическую живописную картину, все образы которой представлены в предельной обобщенности.

В научной литературе уже отмечалось, что поэтика «остановленного мгновения» характерна для цикла «Senilia». Так, М. С. Рыбина указывает на «живописно-скульптурные образы» в структуре таких стихотворений в прозе, как «Нимфы», «Череп», «Стой!» [13; с. 63–64].

Творческая манера Тургенева в «Стихотворениях в прозе» во многом обусловлена влиянием на него изобразительно-го искусства и ориентацией на живописные приемы изображения мира. По воспоминаниям М. М. Стасюлевича, нам известно признание писателя, что его стихотворения в прозе – «нечто вроде того, что художники называют эскизами, этюдами с натуры, которыми они потом пользуются, когда пишут большую картину» [19, с. 608; курсив наш. – Л. В.].

Картина деревни в анализируемом стихотворении статичная, она разворачивается в пространстве, а не во времени. Создать эффект «остановленного мгновения» помогают глаголы несовершенного вида в настоящем времени, семантику которых можно определить как вечно длящееся время, как всегда бывает (жаворонки звенят, воркуют голуби, реют ласточки, пахнет дымком, бежит ручей, щенок барахтается, курицы ищут, парни перекидываются словами, из окна выглядывает молодка, глаза улыбаются и т. д.).

Часто автор отказывается от сказуемых, а, следовательно, от обозначения времени: «на тысячу верст кругом Россия», «вдоль оврага <...> – опрятные амбарчики...», «по бокам в несколько рядов <...> ракиты», «Вдали, на конце-крае неба – синеватая черта большой реки»; использует назывные предложения: «Безветрие, теплынь...воздух – молоко парное!» [19, с. 143].

Экфрастичность описания в данном случае связана не с романтической установкой на синтез искусств – она обусловлена утопическим характером создаваемой картины, установкой автора на создание модели идиллии. Образы деревни, избы, жанровые сцены из крестьянской жизни, портрет старухи-крестьянки могут быть восприняты как парафразы живописных полотен.

«Деревня» в первую очередь вызывает ассоциации с живописью А. Г. Венецианова. Искусствоведы подчеркивают, что для художников 20-х – 40-х годов XIX столетия важно было показать народ, который проявил себя «в ореоле нравственного величия <...> в его коренных положительных началах» в годы Отечественной войны 1812 года: «Только в качестве поэтического и поэтизирующего русский мир жанр мог оказаться на высоте своего исторического призвания» [1, с. 315].

Тургеневскую картину деревни и живописные полотна А. Г. Венецианова на крестьянскую тему роднит изображение бесконфликтного мира, которому чужд драматизм. Искусствоведы видят главную особенность венециановской живописи в том, что изображается не действие, а состояние: «Различными способами художник обостряет чуткость зрителя к длящимся мгновениям тишины, заставляет не только всматриваться, но как бы и "вслушиваться" в картину» [1, с. 316]. На полотнах Венецианова запечатлен образ идеального бытия человека, идиллический мир: «Попечение о земле, детство, материнство – три основные темы и, так сказать, первообразы, первоэлементы венециановского созерцания картины жизни, переводящие его жанр в план эпического повествования о вечных трудах и днях человека. Поэтому-то здесь нет места бытовым коллизиям, здесь вообще нет быта, а есть бытие: пустынная земля, на которой жизнь как бы начинается заново. Облик персонажей, приметы крестьянского обихода у Венецианова хронологически и исторически никак не конкретизированы – это то, что всегда было и будет, некая вечная, постоянная субстанция бытия» [1, с. 38].

К словесным картинам И. С. Тургенева в стихотворении в прозе «Деревня» можно найти прямые параллели в творчестве А. Г. Венецианова и других художников. Изображение сцен у колодца/источника было весьма популярным мотивом в русской романтической живописи К. П. Брюллова («Итальянка у бассейна», 1844), И. К. Макарова («Итальянка у источника», 1855), у академистов В. Голике («Гадания у колодца», 1839), И. И. Стрелковского («Женщина с мальчиком у колодца», 1843; «У колодца», 1878) и других. Есть такой сюжет и у А. Г. Венецианова – «Встреча у колодца» (1843).

В «Деревне» эпизод у колодца является и самостоятельным фрагментом и частью большой картины: «Другая молодка

сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит на веревке, роняя длинные огнистые капли» [19, с. 14]. Писатель обращает внимание читателя на руки крестьянки, которые свидетельствуют, что это человек труда. А вот изображение огнистых капель отсылает к брюлловской технике изображения прозрачного винограда, пронизанного солнечным светом, глаз персонажа и т. п. В то же время огнистые капли превращают, казалось бы, бытовую сцену в изображение красоты мира.

Портрет «круглолицей молодки» писатель заключает в раму окна, тем самым эстетизирует ее образ и порождает разнообразные живописные ассоциации у читателя. Окно, кроме функции рамы, выполняет здесь также функцию посредника между внутренним и внешним, домом, человеком и универсумом.

Подробный словесный портрет старухи воспринимается как парафраза крестьянских портретов у художников историко-этнографического направления, таких как Ф. А. Бронников, П. Н. Орлов, И. К. Макаров, И. Е. Репин и многих других, а также художников русской колонии в Риме, изображавших итальянок, неаполитанок в их национальных костюмах. А. Г. Венецианов – один из первых, кто обратился к изображению русского национального костюма.

Портрет старухи представляет собой своего рода икону, в которой каждая деталь имеет символическое значение. Горшок с молоком в руках старухи и ломоть хлеба углубляют художественную перспективу ее образа, позволяют воспринимать его как архетипический образ Матери. «Молоко у славян, – отмечает С. М. Толстая, – один из главных видов пищи наряду с хлебом, объект мифологических верований, магических ритуалов и защиты» [15, с. 301], молоко «наделялось благотворными свойствами и широко использовалось в народной медицине и в качестве оберега» [15, с. 303]. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера символ молока толкуется как «эликсир жизни, возрождения и бессмертия – метафора доброты, заботы, сочувствия, изобилия и плодородия» [18, с. 226], а также отмечается, что молоко «во многих культурах <...> – напиток бессмертия», «символ инициации и возрождения» [18, с. 226].

Символическим значением обладает и образ горшка как «ритуализованного предмета домашней утвари», связанного «с символикой печи и земли» и осмысляющегося как «вместилище души и духов» [17, с. 111].

Другой атрибут старухи – ломоть хлеба – в славянской мифологии «наиболее сакральный вид пищи, символ достатка, изобилия и материального благополучия» [16, с. 476], «символизирует отношения взаимного обмена между людьми и Богом, между живыми и предками», а также является «знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил» [16, с. 476]. В христианской традиции «хлеб – метафора как духовной пищи, так и воплощение тела Самого Христа. Хлеб, разделенный и съеденный с кем-то вместе, – знак союза» [18, с. 397].

В современных исследованиях, посвященных концептам русской культуры, подчеркивается особое значение концепта «хлеб» в картине мира русского народа: «Хлеб у русских больше, чем пропитание, он – символ пропитания» [14, с. 311]. В русском языке, в русском фольклоре и письменной литературе «хлеб всегда занимал исключительно высокое положение. Это не обычный продукт питания, а объект особого поклонения» [5, с. 28].

Образ старухи как образ Матери (или Праматери) является воплощением жизни, дома. В этом отношении характерна деталь, объединяющая образы крестьянской избы и старухи, – ритуализованный горшок (кувшин). Мать – «источник и средоточие зарождения жизни, обеспечивающая питание и воспитание», «воплощенная любовь, несущая добро ("при солнышке тепло, при матери добро")», самоотверженно оберегающая свое дитя и через него – весь мир» [7, с. 431], – подчеркивается в «Словаре русской ментальности». Так образ старухи, портрет которой завершает картину деревни, приобретает масштабный характер, едва ли не монументальный, выражая онтологические основы существования человека и ценностные ориентиры русского национального мира.

Подробное описание избы в контексте стихотворения в прозе имеет не столько этнографическое значение, сколько служит символом отношения русского народа к жизни, выражением его представлений о бытии.

Каждый элемент избы обладает символическим характером. Изображение кувшинов с цветами на ставнях и цветов радуги на стеклах окон отсылают к образу рая, неизменным элементом которого являются цветы. «Вырезной железный крутогривый конек» над крыльечком является солярным знаком, связанным с семантикой плодородия и смерти: «Конь в народной славянской традиции – одно из наиболее мифологизированных животных, связанное с миром сверхъестественного – одновременно с культом солнца, плодородия и смертью. Он играл важную роль в календарных, свадебных и погребальных обрядах. Причиной этому стало мифологическое представление славян-язычников о том, что Солнце, источник всего живого и защитник от темных сил, является божественным конем, днем бегущим по небосводу, а вечером спускающимся в подземное царство мертвых» [12, с. 54]. Т. П. Морозова отметила: «Символика коня-солнца как оберега использовалась славянами-язычниками для защиты дома от злых духов. Дом воспринимался как микрокосм, и его архитектурные особенности должны были повторять представления об устройстве Мира, чтобы служить наиболее эффективной защитой» [12, с. 55].

Таким образом, мифопоэтическое прочтение картины деревни позволяет воспринимать ее как онтологическую картину, раскрывающую ценностные основы существования человека. В то же время автор подчеркивает национальный колорит изображаемого им мира как мира русского народа, описывая русский национальный костюм, запахи, связанные в творчестве И. С. Тургенева с русским пространством. Тем самым подчеркивается, что закодированные в описаниях аксиологические ориентиры составляют основу существования русского народа (крестьянского сословия прежде всего), которому в контексте стихотворения противопоставляются городские жители как представители цивилизации.

Доминирующая тенденция идеализации в «Деревне» связана с идиллическим хронотопом, о котором М. М. Бахтин писал: «Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с дру-

гими местами, с остальным миром. Но локализованный в этом ограниченном пространственном мирке ряд жизни поколений может быть неограниченно длительным. Единство жизни поколений (вообще жизни людей) в идиллии в большинстве случаев существенно определяется единством места, вековой прикрепленностью жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее событиях не отделена. <...> Единство места сближает и сливает колыбель и могилу (тот же уголок, та же земля), детство и старость (та же роща, речка, те же липы, тот же дом), жизнь различных поколений, живших там же, в тех же условиях, видевших то же самое» [2, с. 258].

В стихотворении в прозе «Деревня» создан образ целостного, единого, гармоничного бытия природы и человека на ограниченном пространстве – пространстве родной земли, России, где природа – близкая, родная людям, а потому – дающая человеку ощущения покоя и защищенности. В идиллическом мире стихотворения масштабные образы природы «одомашнены», оказываются соразмерны человеку, близки. Воздух в этом идиллическом мире – словно материнское лоно, спасающее, оберегающее: «Безветрие, теплынь... воздух – молоко парное!» [19, с. 143].

Важнейшей чертой идиллии, по М. М. Бахтину, является «строгая ограниченность ее только немногочисленными реальностями жизни»: «Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты – вот эти основные реальности идиллической жизни» [2, с. 259]. Ученый также отметил типичность для идиллии «соседства еды и детей», «проникнутое началом роста и обновления жизни» [2, с. 260], соседство детей и стариков, детей и смерти.

Картина деревни, изображенная И. С. Тургеневым, отвечает всем критериям идиллии, указанным М. М. Бахтиным, является не бытовой или этнографической зарисовкой, а бытийной в своей основе. «Строго говоря, – подчеркивал М. М. Бахтин, – идиллия не знает быта. Все то, что является бытом по отношению к существенным и неповторимым биографическим и историческим событиям, здесь как раз и является самым существенным в жизни» [2, с. 259].

Модель мира, воплощенная в идиллической картине русской деревни, противопоставляется автором современной

цивилизации, характеризующейся конфликтами, несущими разрушения, человеческие жертвы, кровопролитие. Стихотворение завершается неожиданным для читателя авторским риторическим вопросом, переводящим взгляд в иное пространство (Царь-Град) и время (историческое): «И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?» [19, с. 145]. Если для современников писателя последние строки стихотворения могли быть ясны, то для читателя XXI века необходим исторический комментарий.

Обратим внимание на датировку «Деревни», которая многое может объяснить в его содержании: оно написано в конце Русско-турецкой войны, «когда русские войска, заняв в январе 1878 года Адрианополь, готовились к вступлению в Константинополь («Царь-Град»)» [19, с. 634]. Для понимания стихотворения представляется важным разъяснить вопрос отношения русского общества, разных его партий и И. С. Тургенева к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и ее результатам.

В исторических исследованиях отмечается, что Русско-турецкая война 1877–1878 годов вызвала необычайный отклик в русской общественной мысли, публицистике и литературе: «К войне на Балканском полуострове не остался безучастным никто, независимо от социальных, имущественных и идеологических позиций различных групп российского социума» [10, с. 163]. Однако отношение к войне менялось в ходе военных действий. Если в начале военной кампании, целью которой было провозглашено освобождение братьев-славян от турок, защита христиан и христианских ценностей, общество и правящие круги были едины, то в ходе войны, когда обнаружились просчеты командования русской армии, когда приходили противоречивые известия с фронтов, стали раздаваться голоса о том, нужна ли России эта война.

И. С. Тургенев в начале Русско-турецкой войны занимал общую для всех русских позицию, которая отразилась в его письме к кн. И. Черкасской: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства, они только и живут во мне и коли этому нельзя помочь иначе как войною – ну, так война!» [цит. по: 10, с. 165]. Однако впоследствии под влиянием известий о колоссальных потерях русской армии, а особенно

под впечатлением от итогов войны изменил свое отношение, что и отразилось в стихотворении в прозе «Деревня».

Русско-турецкая война 1877–1878 годов вновь актуализировала один из важных для национального самосознания и национальной истории вопросов – восточный (см. подробнее: [9]). Мысль о «едином храме» христианском, о Москве как Третьем Риме, о России как духовной наследнице Византии, о возвращении Константинополя в лоно православной церкви вновь захватила значительную часть русского общества.

«Партия Ф. М. Достоевского» считала, что Российская империя выполняет особую историческую миссию, заключающуюся в сплочении вокруг нее славянских народов на основе православия, – отмечает С. А. Кочуков, – в то время как «партия И. С. Тургенева» отрицала значение религиозного фактора, полагая, что целью войны является не защита православия, а освобождение славян» [10, с. 165].

Позиция Достоевского отличалась радикальностью, которая проявлялась «прежде всего в том, что он являлся сторонником идеи не просто захвата столицы Турции Константинополя, а переноса столицы России в эту "колыбель православия"» [11, с. 70]. Во второй сентябрьской главе «Дневника писателя» за 1877 год Ф. М. Достоевский подчеркивал: «Восточный вопрос есть исконная идея Московского царства, которую Петр Великий признал в высшей степени и, оставляя Москву, перенес с собой в Петербург. Петр в высшей степени понимал ее органическую связь с русским государством и с русской душой. Вот почему идея не только не умерла в Петербурге, но прямо признана была как бы русским назначением всеми преемниками Петра. Вот почему ее нельзя оставить и нельзя ей изменить. Оставить славянскую идею и отбросить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства (NB. Сущность Восточного вопроса) – значит, все равно что сломать и вдребезги разбить всю Россию» [6, с. 30].

Однако к концу 1877 года все чаще в прессе стали появляться публикации, ставящие под сомнение необходимость этой войны, обращающие внимание на те огромные потери, которые понесла Россия в ходе войны, а также на необходимость решения внутренних проблем. «К концу 1877 г. стало очевидным, – указывают современные исследователи, – и то, что

разгром Порты в войне будет стоить России гораздо больших людских и материальных потерь, чем это виделось в начале военной кампании. Возрастала цена победы, и становилось понятно, что любые условия будущего мирного договора не смогут удовлетворить общественных запросов, сформировавшихся в стране. Более того, всё реальней становилась перспектива, что из-за вмешательства европейских государств (в первую очередь Англии) Россия не сможет решить поставленных политических и территориальных задач» [8, с. 39].

Такая ситуация на театре военных действий определила тот накал дискуссий в обществе, периодической печати, литературе, который, скорее всего, и вызвал художественный отклик Тургенева в феврале 1878 года на эти события – стихотворение в прозе в «Деревня».

Споры в обществе по поводу русско-турецкой войны и ее результатов были обсуждением вектора развития русской истории, национальной идеи и возможностей ее реализации, то есть затрагивали важнейшие вопросы существования нации, определения ее места и значения в мировой истории. С разрешением восточного вопроса русские культурные деятели «связывали представление о великом историческом призвании России, которой предстоит на религиозно-культурной почве Востока восстановить утраченное всечеловеческое единство» [9, с. 63]. В этой связи скептическое выражение И. С. Тургенева «К чему тут и крест на Святой Софии...» может рассматриваться как полемика со славянофилами, партией Достоевского и Ф. М. Достоевским, с той частью общества, которая считала, что Константинополь должен быть «наш». Однако вопросительная форма последнего строфоида «Деревни» подчеркивает диалогическую природу стихотворения: автор приглашает поразмышлять своих современников и над вечными проблемами – и историософскими, и теми, которые требуют своего разрешения сейчас. Становится ясно, почему возникает под пером Тургенева-реалиста утопическая картина русской деревни: он предлагает посмотреть на конкретно-исторический конфликт с позиции вечного идеала, онтологических основ существования человека. С этой позиции всякий конкретно-исторический конфликт, борьба теряют свою ценность, оказываются лишь земной «суетой сует» –

мотив, который проходит через весь цикл стихотворений в прозе, имеющий заглавие «Senilia (старческое)».

Обсуждение и выводы

Экфрастичность представленной в «Деревне» картины обусловлена авторской стратегией создания условного образа идеального мира, идиллии, с позиции которой автор рассматривает вопросы «текущей действительности». Обращение к живописной технике для создания воображаемого живописного полотна не было случайным для И. С. Тургенева, всегда тяготевшего к изобразительному искусству.

Мифопоэтическое прочтение основных образов стихотворения в прозе «Деревня» дает представление о масштабе художественной картины мира, раскрывающей сущностные начала бытия человека. В стихотворении дается отнюдь не этнографическая зарисовка русской деревни, а картина онтологического содержания.

Трагический взгляд на судьбу «русского племени» в данном стихотворении обусловлен разочарованием И. С. Тургенева в результатах Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Писатель высказал скептическое отношение к национальному мифу о возвращении Царь-Града в лоно русской православной церкви, владевшему на протяжении веков русским сознанием. Таким образом, стихотворение было своего рода полемическим выпадом в адрес славянофилов и представителей партии Достоевского.

Текст «Деревни» ориентирован на современное писателю идеологическое и историософское поле споров по поводу «восточного вопроса», результатов Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и в то же время – на пространство онтологических вопросов бытия человека.

Список литературы

1. Алленов М. М., Евангулова О. С., Лифшиц Л. И. Русское искусство X – начала XX века. – М.: Искусство, 1989. – 480 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 121–290.

3. Бурмистрова Ю. Д. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева и проблема циклообразования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 4. – С. 72–80.

4. Гроссман Л. П. Последняя поэма Тургенева // Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Современные проблемы, 1928. – Т. 3. Тургенев. – С. 95–98.

5. Гусейнова У. Г. Хлеб в картине мира русского народа // Вестник ТГПУ. – 2019. – № 2 (19). – С. 28–33.

6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. – Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1984. – Т. 26. – 521 с.

7. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В двух томах. – СПб.: Златоуст, 2014. – Т. 1. – 592 с.

8. Косарев С. И., Косарева И. В. Итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах периодических изданий // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 39–45.

9. Котельников В. А. Святая Земля, христианский Восток, Византия на русском религиозном, политическом и культурном горизонте // Русско-Византийский вестник. – 2019. – № 1. – С. 17–65.

10. Кочуков С. А. Отношение образованного общества России к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Власть. – 2011. – № 11. – С. 163–166.

11. Кочуков С. А. Ф. М. Достоевский и русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. Серия. История. Международные отношения. – Вып. 2. – С. 69–73.

12. Морозова Т. П. Конь-солнце в славянской языческой мифологии // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 52. – С. 53–64.

13. Рыбина М. С. Поэтика «остановленного мгновения» в «Гаспаре из тьмы» А. Бертра и в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. И. С. Тургенев и мировая литература (К 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева). Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лунина. – М., СПб.: Альянс-Архео, 2011. – Вып. II. – С. 62–68.

14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

15. Толстая С. М. Молоко // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 301–303.

16. Топорков А. Л. Хлеб // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 476–477.

17. Топорков А. Л. Горшок // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – Изд. 2-е. – М.: Международные отношения, 2002. – С. 111–112.

18. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Фаир-пресс, 1999. – 448 с.

19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. – М.-Л.: Наука, 1967. – Т. 13. – 736 с.

20. Шаталов С. Е. Проблемы поэтики И. С. Тургенева. – М.: Просвещение, 1969. – 328 с.

Liudmila I. Vigerina

Experience of a Comprehensive Analysis of the Prose Poem "The Village" by I. S. Turgenev

The article is the first to undertake a comprehensive analysis of the prose poem "The Village" by I. S. Turgenev and the originality of the world picture presented in it. A hypothesis is put forward that the artistic model of the Russian village is built with the help of paint-

ing techniques ("suspended moment") and allusions to the Russian painting of the 19th century, to A. G. Venetsianov's canvases in particular. The originality of the idyllic chronotope, and the archetypal content of the main images (house, mother, bread, child, old woman) are analyzed, and their role in creating the world image in the poem is clarified. "The Village" demonstrates, on the one hand, the writer's aspiration to existential questions and to posing cutting-edge socio-political ones, on the other. In the poem, a utopian picture representing the eternal foundations of human existence is contrasted with the contemporary geopolitical struggle represented by the Russian-Turkish War of 1877–1878. The article emphasizes the need for historical commentary to understand the author's attitude in the poem. The conclusion is made that the poem is not only a response to the results of the Russian-Turkish War, to the truce concluded in Adrianople on January 19 (31), 1878, and the peace treaty signed in San Stefano on February 19 (March 3), but also the writer's polemical attack on the Eastern Question against the Slavophiles and representatives of Dostoevsky's party.

Key words: I. S. Turgenev, prose poem "The Village", intermedial connections, archetype, idyllic chronotope, symbolic subtext, historical commentary.

For citation: Vigerina, L. I. (2024) Opyt kompleksnogo analiza stihotvoreniya v proze I. S. Turgeneva «Derevnya» [Experience of a Comprehensive Analysis of the Prose Poem "The Village" by I. S. Turgenev]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 25–43. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_1_25. EDN: OCZZKA

References

1. Allenov, M. M., Evangulova, O. S., Lifshits, L. I. (1989) *Russkoye iskusstvo X – nachala XX veka*. [Russian Art of the 10th – early 20th Centuries]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russian).
2. Bakhtin, M. M. (1986) *Formy vremeny i khronotopa v romane. Ocherky istoricheskoy poetiki*. [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin, M. M. *Literaturno-kriticheskie statii* [Literary critical articles]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. Pp. 121–290. (In Russian).
3. Burmistrova, Yu. D. (2018) *Stikhotvoreniya v proze I. S. Turgeneva i problem tsikloobrazovaniya* ["Prose Poems" by I. S. Turgenev and the Problem of Cyclization]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*. No. 4. Pp. 72–80. (In Russian).
4. Grossman, L. P. (1928) *Poslednyaya poema Turgeneva* [Turgenev's Last Poem]. Grossman, L. P. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 3. Turgenev. Moscow: Modern problems Publ. Pp. 95–98. (In Russian).
5. Guseinova, U. G. (2019) *Khleb v kartine mira russkogo naroda* [Bread in the World picture of the Russian People]. *Vestnik TGPU – Bulletin of the TSPU*. No. 2 (19). Pp. 28–33. (In Russian).
6. Dostoevsky, F. M. (1984) *Sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Complete Works in 30 vols]. Vol. 26. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
7. Kolesov, V. V., Kolesova, D. V., Kharitonov, A. A. (2014) *Slovar russkoy mentalnosti* [Dictionary of Russian Mentality]. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust Publ. (In Russian).
8. Kosarev, S. L., Kosareva, I. V. (2013) *Rezultaty Russko-Turetskoy voyny 1877–1878 na stranitsakh periodiki* [Results of the Russian-Turkish War of 1877–1878 in Periodicals]. *Vestnik Brianskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Bulletin of Bryansk State University*. No. 2. Pp. 39–45. (In Russian).
9. Kotelnikov, V. A. (2019) *Svyataya Zemlya, khristianskii Vostok, Vizantiya na russskom religioznom, politicheskoy i kulturnom gorizonte* [The Holy Land, the Christian East, Byzantium on the Russian religious, political and cultural horizon]. *Russko-Vizantiiskii vestnik – Russian-Byzantine Bulletin*. No. 1. Pp. 17–65. (In Russian).
10. Kochukov, S. A. (2011) *Otnoshenie obrazovannogo obschestva Rossii k russko-turetskoy voine 1877–1878 gg.* [The Attitude of Educated Russian Society to the Russian-Turkish War of 1877–1878]. *Vlast' – Power*. No. 11. Pp. 163–166. (In Russian).
11. Kochukov, S. A. (2010) *F. M. Dostoevsky i russko-turetskaya voyna 1877–1878 gg.* [F. M. Dostoevsky and the Russian-Turkish War of 1877–1878]. *Novosti Saratovskogo*

Universiteta – News of Saratov University. Vol. 10. Series. Story. International relationships. Issue 2. Pp. 69–73. (In Russian).

12. Morozova, T. P. (2019) Kon’-solntse v slavyanskoj yazicheskoj miphologii [Horse-Sun in Slavic Pagan Mythology]. *Vestnik slavyanskikh kultur – Bulletin of Slavic cultures*. Vol. 52. Pp. 53–64. (In Russian).

13. Rybina, M. S. (2011) Poetika “ostanovlennogo mgnovenia” v “Gaspere is t’my” A. Bertrana i v “Stikhotvorenyiah v proze” I. S. Turgeneva [The poetics of the “Suspended Moment” in “Gaspard from the Darkness” by A. Bertrand and in “Prose Poems” by I. S. Turgenev] I. S. *Turgenev. Novye issledovania i materialy* [I. S. Turgenev. New research and materials]. Issue II. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Arkheo Publ. Pp. 62–68. (In Russian).

14. Stepanov, Yu. S. (2004) *Konstanty: slovar russkoj kultury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian).

15. Tolstaya, S. M. (2002) Moloko [Milk] *Slavyanskaya miphologia. Entsiklopedicheskii slovar* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia Publ. Pp. 301–303. (In Russian).

16. Toporkov, A. L. (2002) Khleb [Bread] *Slavyanskaya miphologia. Entsiklopedicheskii slovar* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia Publ. Pp. 476–477. (In Russian).

17. Toporkov, A. L. (2002) Gorshok [Pot] *Slavyanskaya miphologia. Entsiklopedicheskii slovar* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenia Publ. Pp. 111–112. (In Russian).

18. Tresidder, J. (1999) *Slovar simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: Fair Press Publ. (In Russian).

19. Turgenev, I. S. (1967) *Polnoye sobranie sochinenii I pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. Vol. 13. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

20. Shatalov, S. E. (1969) *Problemy poetiki I. S. Turgeneva* [Problems of I. S. Turgenev’s Poetics]. Moscow: Obrazovanie Publ. (In Russian).

Об авторе

Вигерина Людмила Ивановна, доцент Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: livigerina@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

About the author

Vigerina Liudmila I., Associate Professor, Pushkin State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: livigerina@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-4919-2343

дата получения: 24.11.2023
дата принятия: 30.12.2023
дата публикации: 30.03.2024

date of receiving: 24 November 2023
date of acceptance: 30 December 2023
date of publication: 30 March 2024